

Мануэль САРКИСЯНЦ

**АНГЛИЙСКИЕ
КОРНИ
ТРЕТЬЕГО
РЕЙХА**

**ОТ БРИТАНСКОЙ
К АВСТРО-БАВАРСКОЙ
«РАСЕ ГОСПОД»**

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Мануэль САРКИСЯНЦ

**АНГЛИЙСКИЕ
КОРНИ
ТРЕТЬЕГО
РЕЙХА**

**ОТ БРИТАНСКОЙ
К АВСТРО-БАВАРСКОЙ
«РАСЕ ГОСПОД»**

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2025

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)6
С20

Manuel Sarkisyanz. Adolf Hitlers englische Vorbilder:
Vom britischen zum ostmärkisch-bajuwarischen
Herrenmenschentum. Vorlesungen, gehalten an der
Heidelberger Universität. Ketsch am Rhein, 1997.

Саркисянц, Мануэль.

С20 Английские корни Третьего Рейха : от британской к австро-баварской «расе господ» / Мануэль Саркисянц ; [перевод с немецкого М. Ю. Некрасова]. — Москва : Яуза-пресс, 2025. — 576 с.

ISBN 978-5-9955-1145-8

Известный историк Мануэль Саркисянц прослеживает теснейшую связь Британской империи и чудовищных идей Гитлера. Автор во всех подробностях рассказывает о Великобритании как прообразе государства расового единства, идеализации Третьего Рейха в британском истеблишменте, фашистских партиях Англии, теоретических и практических подходах британских и немецких расистов, участии англичан во Второй мировой войне на стороне нацистов, а также о том, почему «Индией» Гитлера должна была стать Россия, а русские – туземцами для «расы господ».

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)6

ISBN 978-5-9955-1145-8

© Некрасов М.Ю., пер. с нем., 2023
© ООО Яуза-пресс, 2025

*Памяти Кэтрин, герцогини Атолской, британской
аристократки, пожертвовавшей постом
депутата от партии консерваторов во имя
справедливого дела республиканской Испании [1].*

Это... не могло быть правдой,
потому что шло вразрез с общеизвестными
представлениями о правде.

Эдвин Джонс. «Английская нация. Великий миф»

Предисловие

Эта книга почти наверняка подвергнется нападкам. Ей будут приписывать то, чего в ней нет, несмотря на то что практически весь материал, на котором она построена, основан на документах, причем на документах, опубликованных ранее и не вызвавших критики.

Нельзя назвать новым то наблюдение, что «большинство англичан не могут править, не заявляя при этом о своем превосходстве, и что они всегда были подспудно озабочены проблемой цвета кожи», — это отмечал еще Бенджамин Жове, преподаватель оксфордского колледжа в 1870—1893 гг. Известно и то, что, к примеру, лорд Альфред Милнер, верховный комиссар Англии в Южной Африке, заявлял: «именно британская раса [2] создала империю... только британская раса способна сохранить ее», упоминал он и об «узах крови». Не являются открытием и свидетельства привязанности Гитлера к Англии, привязанности, граничившей с преклонением и выразившейся, например, в насмешках над стремлением Индии к независимости. Общеизвестно (по крайней мере так было раньше), что Гитлер восхищался Англией именно как расист.

Еще в классическом исследовании Тойнби отмечался тот факт, что «расовые предубеждения, порожденные английским протестантством... к несчастью, стали определяющим фактором в становлении расовых отношений во всем западном мире». Неоднократно публиковалось и следующее, явно преувеличенное, заявление либерала сэра Чарлза Дилка об уникальности английской практи-

ки геноцида: «Англосаксы — единственная истребляющая раса на земле. Никогда еще — вплоть до начала ставшего теперь уже неизбежным уничтожения индейцев... маори и австралийцев [аборигенов] — ни одна столь многочисленная раса не была стерта с лица земли завоевателями». О том, что уничтожение аборигенов Австралии в значительной степени явилось следствием преобразований в метрополии, первой из стран Европы ставшей на путь экономического рационализма, писал еще более десяти лет назад Ричард Рубинштейн в изданном в Лондоне сборнике «Мозаика жертв. О не-евреях, преследовавшихся и уничтоженных нацистами» (под редакцией Беренбаума, директора американского Мемориального музея холокоста). Рубинштейн подтверждал и то, что «связь между геноцидом, проводившимся поселенцами колоний XVIII—XIX веков, и геноцидом XX века может быть прослежена в гитлеровской программе “жизненного пространства”»: опыт колонистов служил для Гитлера «моделью, которой должна была следовать Германия на востоке европейского континента». Однако нельзя не отметить существенных различий в идеологии вдохновителей и вдохновленных — разницы между обществом, практикующим геноцид, и государством, в котором он является частью официальной политики. «Нацистская Германия была государством, проводившим политику геноцида... [а Британская] Австралия — обществом, практиковавшим геноцид». В английской среде (как в колониях, так и в самой Англии) давление общества значило гораздо больше, а давление государства — гораздо меньше, чем в Германии (см. прим. 213—222). Истребление австралийских аборигенов проводилось спонтанно, а не по приказу правительства. Хотя Гитлер и стремился развить у немцев именно такой спонтанный «расовый инстинкт», Ричард Рубинштейн совершенно справедливо отмечал следующее различие: «уничтожение аборигенов... в Австралии являлось непреднамеренным следствием государственной по-

литики», в отличие от истребления жертв нацизма, которое было совершенно преднамеренным и проводилось по приказу Гитлера. И все же нельзя не поставить «в заслугу» обществам, практиковавшим геноцид, то, что «они сподвигнули Гитлера на повторение этой практики, а его государство — на планомерное претворение ее в жизнь» [3] (очевидно не доверяя «расовым инстинктам» немецкого общества).

Однако даже такое простое повторение давно известных вещей — по-настоящему злободневных — нарушает общепринятое табу. Бесспорные различия, существующие между британской расистской практикой и аналогичной практикой Гитлера, становятся «аргументом» в пользу того, что английские теории не могли повлиять на нацистскую идеологию. А поскольку в XX веке Гитлер проводил геноцид, а Британия — нет, то делался вывод, что Англия вообще ни в чем не повлияла на фюрера: табу никогда не отличались логикой.

Это табу является гораздо более священным в Германии, чем в самой Британии, поскольку в Германии фашистское прошлое остается намного более острой темой, чем эпоха правления королевы Виктории и короля Эдуарда VII в Англии.

В результате именно британские данные послужили источником для темы этой книги. Именно британская сторона интересовалась английскими корнями некоторых важнейших установок Гитлера — от британского социалдарвинизма до ненависти к демократии Томаса Карлейля. Так, Ричард Терлоу утверждал, что государственная политика Британии «способствовала становлению фашистских идей в Европе... нацистского расизма и империализма». «Британское влияние на континентальный фашизм... помогло развитию фашизма, особенно в Германии» [4]. Пол Хейз напоминал о «существенном вкладе британских интеллектуалов в формирование фашистской мечты о мировом господстве одной расы... Английские социал-

дарвинисты подарили своим нацистским последователям оправдание...» [5]. Пол Хейз обращал внимание и на то, что именно Бенджамин Кидд установил взаимосвязь между естественным отбором и процветанием нации — эту идею, с незначительными изменениями, перенял у Кидда гитлеровский идеолог Альфред Розенберг [6]. Из киддовской «науки о власти» Гитлером были усвоены [7] представления о «закономерностях», в соответствии с которыми сама природа при помощи механизма «социальной наследственности» низводит какой-то народ до уровня «низшей расы» — причем эту «социальную наследственность» может регулировать и государство [8]. По мнению Хейза, самое сильное и самое продолжительное влияние на фашистов оказало расистское направление социалдарвинизма, которое создал Карл Пирсон (бывший колониальный чиновник, а затем — до 1933 года — профессор евгеники в Лондоне), ратовавший за «борьбу расы против расы и выживание сильнейшей расы» [9].

Британские исследователи, интересовавшиеся влиянием английских образцов на Гитлера, не ограничиваются признанием роли одного только «естественно-научного подхода». «Критическое отношение Карлейля к демократии... можно назвать фашистским — и иногда это и в самом деле фашизм», — писал Уолтер Хотон [10]. Лондонское «Anglo-German Review» за 1938 г., пропагандируя режим Гитлера, совершенно однозначно утверждало, что Карлейль был «первым нацистом» [11]. Характеристика английских бедняков Гитлером (и его наставником — Хьюстоном Стюартом Чемберленом) также была предвосхищена Карлейлем, отзывавшимся о рабочем классе как о «бесчисленных скотах», «бездушных тварях, отребье». Карлейль видел в них «обезьяньи рожи, чертовы рыла... собачьи морды, тяжелые и угрюмые бычьи головы». В воинственном и иерархическом обществе, о котором мечтал Карлейль, работал миллион черных рабов, а править ими должна была сотня тысяч белых рабовладельцев — совсем

как у Гитлера и главы СС Генриха Гимmlера, планировавших ввести подобные порядки на территории побежденной России. И точно так же, как Карлейль утверждал, что давать чернокожим образование — значит идти против воли Бога, Гитлер писал в «Mein Kampf»: «давать образование готтентотам и зулусским кафрам — значит идти против Воли вечного Творца» [12]. В таком же ключе можно охарактеризовать и влияние Редьярда Киплинга: «Многие из тех идей, которые придают произведениям Киплинга особую силу и привлекательность... трудно отделить от того, что способствовало становлению... господства фашистской идеологии, особенно в Германии» [13].

«Одними из немногих английских учреждений, которые воссоздал у себя Гитлер», были британские паблик-скулы, — отмечал директор школы Харроу, сэр Сирил Норвуд, подчеркивая тем самым заслуги английских школ... А директор паблик-скулы в Лоуэстофт, обращаясь к британским читателям, назвал гитлеровские «наполас» [14] «немецкими паблик-скулами» («Public Schools in Germany») [15]. Подобного мнения в 1937 г. придерживался и директор другой английской паблик-скулы Дж. Тейт [16]. В том же году этот же наставник паблик-скулы заявил, что к «тому времени, когда парни из «напола» Бакнанга начнут командовать... национал-социалистские правители будут обладать здравым смыслом в той же мере, в какой его приписывают британским офицерам, то есть станут настоящими белыми “пака”-сахибами [17]» [18]. В 1938 г. мистер Роуен-Робинсон, делая в английском королевском институте международных отношений доклад о «воспитании будущих вождей нацистов», отметил, что нацистские заведения «во многих отношениях построены по образцу... английских паблик-скулы» [19].

Обергруппенфюрер СС Гейсмейер [20] также отмечал параллели между английской и нацистской воспитательными системами. В том же 1938 г. этот эсэсовский авторитет заметил, что «воспитательные средства и зада-

чи [британских паблик-скул] ... уместны и в наших заведениях» [21]. Говоря о целях воспитания, нацисты утверждали, что в школах для элиты, наподобие английских паблик-скул они стремятся «вырастить будущих фюреров [Fuhrenachwuchs]» [22]. Немного позже апологет нацистской педагогики Теодор Вильгельм (1906–?) гордо заявлял, что «наполас ближе всего стоят к британским паблик-скул», и обещал: «За несколько лет мы догоним британские паблик-скул» [23]. Роберт Лей [24] также предпочитал немецким кадетским заведениям соответствующие британские школы: ведь «Англия со своей итонской системой... построила мировую империю» [25]. Нацистские воспитатели подчеркивали, что «паблик-скул, как, например, Итон — оплот старой доброй английской традиции — призваны воспитывать фюреров подобных тем, которые... правят Англией и английской империей» [26].

На момент объявления войны Германии (1939), 76% английских епископов, судей, директоров банков и управляющих железными дорогами, а также чиновников (включая чиновников из Британской Индии) и губернаторов доминионов являлись выпускниками паблик-скул. 70% генерал-лейтенантов и высших военных чинов вышли из четырех паблик-скул, главным образом — из Итона и Харроу. Призванные защищать Англию — страну с выборной парламентской системой — от тоталитарной Германии, англичане сами были продуктом авторитарной системы, авторитарной морали паблик-скул, хотя и не «тоталитарной дисциплины», как (не без преувеличения) уверял Т. Уорсли в своей книге «Barbarians and Philistines. Democracy and the Public Schools», вышедшей в 1940 г. [27] Еще более резкая критика в адрес паблик-скул содержится в книге Х. Дж. Филда, вышедшей в Оксфорде в 1982 г.: «английского мальчика методично заставляют воспитывать волю... учат подавлять любые внешние выражения чувств». «Аскетическая, бесполовая, нарциссическая культура имперской мужественности сводит сам

предмет на нет. Она подготовила почву для культуры смерти», — писал Филд. Британский историк Дж. А. Мэнген указывал на то, что «всевозрастающее имперское самосознание среди [британских] учеников паблик-скул... и видение своей главной задачи в воинственном самопожертвовании... поразительно схожи с тем, что переживала элита гитлеровских наполос» [28].

Неудивительно, что в такой ситуации немецкий историк Гервин Штробль, выступая с лекциями в университете британского города Кардиффа, заявил: «было бы глупо и нелепо утверждать, будто гитлеровские наполос хоть в чем-то копировали британские паблик-скул» — и это несмотря на многочисленные свидетельства наставников паблик-скул и самих нацистов.

Тем не менее в своей книге «Тевтонский остров. Восприятие Британии нацистами», опубликованной в 2000 г. в Cambridge University Press, Штробль отмечал, что даже в Германии 1920-х гг. «восхвалять британскую силу воли, решимость и жесткость, восхвалять британские паблик-скул, призванные воспитывать правителей и растить... лидеров, и подчиняться там, где лидировать невозможно, или приветствовать такие британские установки, как “это моя страна, права она или не права”, значило очень точно предрекать дальнейший путь развития Германии... Восхваление подобных [английских] добродетелей было для нацистов тем более необходимым, что именно эти ценности были забыты в [демократической] Веймарской республике с ее пацифизмом; и победы британцев все в большей и большей степени становились победами нацистов». И действительно, ссылаясь на комментарии эсэсовского журнала 1935 г., Штробль совершенно верно отметил «готовность Третьего рейха видеть в Британии свое альтер эго» [29].

(Гитлер еще в 1935 г. заявил: «Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели». А в 1920 г. нацистский теоретик расизма Ханс Гюнтер

назвал английский язык языком «безжалостного акта воли». «Воля была... центральным понятием... нацистской веры», — справедливо отмечал Штробль. Англистика, наука, процветавшая при нацистах и занимавшаяся изучением Англии, характеризовала английский язык как «язык воли, язык борьбы за выживание, язык, в котором до сих пор действуют “законы жизни”, а значит, проявляется воля расы, воля крови». «Постепенно в глазах английской прессы мы получим равный с британцами социальный статус, потому что мы действуем безжалостно», — настаивал Гитлер [30].)

Штробль совершенно верно заметил, что «обращение нацистов к реальным или воображаемым британским образцам... носило характер... откровенного восхищения». В результате в гитлеровской Германии Сесил Родс стал героем книг, названия которых очень точно отражали природу его привлекательности в глазах нацистских читателей: «Завоеватель», «За Великое Отечество» или «Мечта о мировом господстве». Тот факт, что «Гитлер в течение долгого времени расценивал Британскую империю в качестве образца для предстоящей экспансии Третьего рейха» (как писал Штробль), в те времена представлялся гораздо более очевидным, чем сейчас. Я не случайно так подробно и много цитирую здесь книгу Гервина Штробля — сам статус издательства, выпустившего ее (Cambridge University Press), снимает все обвинения и подозрения в «апологетике и предвзятости», которые непременно возникли бы, будь эта книга опубликована за пределами Британии, а особенно в Германии. Так, самая важная глава книги Штробля носит название «Британия как модель для нацистской экспансии». В самом начале вышеупомянутого исследования — еще до титульной страницы — напечатано следующее откровение: «Одна из фундаментальных задач нацистов заключалась... в подражании «безжалостности» Британской империи по отношению к Восточной Европе». «Нельзя не вспомнить отзывы Гитлера об Ин-

дии или Северной Америке как о моделях для будущего германского правления в России, и его восхищение... непрременной “безжалостностью” Англии... В 1937 г. немецкая молодежь была обязана изучать англосаксонскую историю, чтобы преодолевать собственные угрызания совести... Нацистские лидеры ни в коей мере не порицали опыт империалистической Британии. Они надеялись добиться такого же результата». Гитлер настаивал, что увеличение дистанции «между расой господ и низшими расами заложено в самой сердцевине британского империалистического этоса и является секретом успеха британцев... Несомненно, именно здесь кроется связь между расой и империей (идея этой связи доминировала во взглядах Гитлера в течение всей его жизни), именно здесь кроется объяснение настойчивых утверждений Гитлера о том, что в управлении Россией Третьему рейху следует брать пример с британского правления в Индии» [31].

Это рассуждение дополняет сделанный в 1971 г. вывод о том, что восхищение Британской империей и британский колониальный опыт послужили для Гитлера оправданием собственных империалистических амбиций. «Британское правление в Индии стало для Гитлера моделью, на которую... он собирался ориентироваться... при создании своей империи на Востоке. В застольных разговорах он часто проводил параллели между собственными планами завоевания и завоеванием Индии Британией, заканчивая свою речь рассуждениями о будущей империи на Востоке», — писал Йоханнес Фойгт.

И действительно, фюрер постоянно и неизменно возвращался к одной и той же теме — он словно бы внушал всем немцам: если вы не станете такими, как англичане, вы не добьетесь мирового господства. Но каково же было представление немцев об англичанах, нации, которой они стремились подражать? Вот как характеризовал англичан один эсэсовский источник 1940 года, являвшийся руководством по покорению сердца Англии и превоз-

носивший черты, свойственные британскому правящему классу: «Джентльмены, не озабоченные какими-либо философскими изысканиями... обладающие огромной силой воли и неуемной энергией, считающие духовные ценности пустой тратой времени... но при этом знающие, как надо управлять. Это люди... видящие смысл своей жизни в продвижении интересов английского правящего класса». «По сути это определение было не чем иным, как скрытой характеристикой их [лидеров СС] собственных нравов, спроецированных на других, скрытым выражением собственных качеств», — утверждала гамбургская консервативная газета [32].

Но нацистская доктрина видела в «истинном патриотизме англичан» не только образец для подражания. «Англичане добились того, чего нам... до сих пор не хватает»; «англичане принадлежат к тевтонской нордической расе, и уже по одной этой причине им предопределено быть гордыми... и высокомерными». Утверждалось, что «вера в фюрера и его божественную миссию» свойственна как «немцам, так и англичанам, и, следовательно, является тевтонской». Один из нацистских гарантов этой идеологии — Кригер заявлял, что «вера в божественное предопределение свойств расы является чем-то абсолютно естественным; то, что человек ощущает внутри себя как голос крови, переживается как призыв Бога, обращенный к нему. Именно из этого закона Жизни и Расы исходили все англичане, завоевавшие новые земли для своей империи».

Даже за год до гитлеровских планов вторжения 1940 г. Англия оставалась образцом для последователей фюрера. «Представляя британское стремление к мировому господству как эгоистическое побуждение и обличая их веру в собственную миссию как хитрую уловку, мы оказываем медвежью услугу национальному политическому образованию. Напротив, наши воспитанники должны понимать, что именно религиозность, готовая к действию и полная

силы воли, которая направлена на благо нации, так рано сделала Англию столь могущественной мировой державой... И тем более решительно следует призвать силу воли наших воспитанников сделать для Германии то, что англичане сделали для своей страны, основываясь на том же наследии». Подчеркивая свое сродство с Англией, нацисты постоянно высказывали свое восхищение британским империализмом, видя в нем «модель и оправдание для собственных захватнических планов». Именно осознание британцами своей божественной Избранности — как никакая другая черта британского национального характера — привлекало нацистов, подчеркивая общие для них расовые принципы [33].

Привлекало настолько сильно, что даже ветхозаветный (а на самом деле неоиудаистический) характер английского постпуританского «патриотизма... вера в то, что англичане являются избранной нацией, в то, что «Бог — англичанин» [34] (Рафаэль Самуэль), ни в коей мере не умаляли страстного желания нацистов подражать англичанам, используя именно такой источник чувства собственного превосходства. Нацисты стремились культивировать настроения, подобные тем, о которых пишет Уильям Блейк в своем «Иерусалиме» («the divine Voice: I elected Albion for my glory; I gave to him the nations of the whole earth»), исключительно как образец для построения мирового господства.

Фридрих Брие еще до прихода нацистов к власти утверждал, что английский Бог, сражающийся с богами «неверных», воинственный Бог Ветхого Завета, противопоставит Богу Достоевского, его представлению о русском Христе, спасителе мира [35]. Для Гитлера же Англия в первую очередь ассоциировалась с правом власти. При этом он не понимал, что британская империалистическая власть должна была действовать в качестве моральной силы. Отмечалось также, что британский империализм спасало присущее ему в достаточно высокой степени чув-

ство моральной ответственности [36]. В год прихода Гитлера к власти в Англии было опубликовано написанное в XIX веке заверение в том, что «несправедливость остается несправедливостью и ее тем более нельзя оправдать... когда ее жертвами становятся беззащитные люди...», что «высокомерие, несправедливость и душевная черствость... среди людей, облеченных властью, являются грехом против Божественной Воли и... влекут за собой страшную кару», пусть даже «те, кто презирает евангельские добродетели», не понимают этого. А за век до этого один протестантский гимн выражал беспокойство, не помешают ли «черные преступления», совершенные в далеких краях, прославлению Спасителя. В самом деле, «убежденность в том, что привилегии, данные нации, подразумевают ответственность нации, а прегрешения нации повлекут за собой ее наказание, помешала использовать чувство избранности Богом исключительно в целях безжалостной империалистической эксплуатации» [37].

Морализм Гладстона также сыграл серьезную роль в преодолении мещанских тенденций в обществе, ориентированном на денежные ценности, и лицемерных заявлений о моральном долге. Это был период, когда предоставление свобод стало считаться особой миссией Британии — речь шла о предоставлении свободы рабам (после того как Англия перестала быть мировым лидером в работорговле). «Борьба с рабством и работорговлей продемонстрировала британский гуманизм в действии... Таким образом, право на власть было связано с моральными установками» англичан [38].

Однако на деле эти установки были направлены скорее против работорговли, которой занимались арабы, а не сами англосаксы (например, североамериканские южане). «Хрупкое равноправие... между [белым] охотником и африканским вождем, [британским] торговцем и его африканской любовницей, или миссионером и потенциальными новообращенными было в значительной

степени нарушено... расовыми установками». И «с тех пор, как империя стала прочной, британцы оказались неспособны относиться к африканцам как к человеческим существам», — утверждали авторы «Прелюдии к империализму». «Отношения африканских племен друг к другу затмевали этноцентризм отдельных британцев... В результате африканская жизнь обезчеловечивала и доводила до звероподобного состояния чувствительность людей» [39]. В подобном же духе высказывался и полковник Бедфорд Пим (в третье десятилетие правления королевы Виктории) в Лондонском антропологическом обществе: «Англии еще предстоит учиться тому, как следует править чужеродными расами». И последовавшая затем резня британского гражданского населения индийскими «мятежниками» в 1857 г., ставшая предпосылкой для паники из-за вымышленного негритянского бунта на Ямайке в 1865 г. (страха перед «неграми, пьяными от крови» и «спятившими от возбуждения»), даже в большей степени, чем страхи, связанные с освобождением рабов в Соединенных Штатах, повлекла за собой господство расистской идеологии в Викторианскую эпоху [40].

(Расизм англосаксов не в последнюю очередь был направлен и против кельтов. Так, Томас Карлейль спрашивал: «Разве это не великое благословение — избежать участи родиться кельтом?»); большинство ирландцев были, по его мнению, «свиньями в человеческом обличье» (1849). «В голодные годы 1846–1848 гг. стало ясно, на какие крайние меры готова была пойти Англия, чтобы очистить Ирландию от коренных жителей. Послабления, которые давало ирландцам английское правительство... осмотительно сохранялись на уровне, обеспечивавшем соответствующие демографические перемены... приветствуемые лидерами английского общества и правительства: «Смертность от голода и эмиграция... очистили земли от нерентабельных производителей и освободили место для более совершенного сельскохозяйственного предприятия», —